

Б И Б Л И О Т Е К А

„ОГОНЁК“

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“

1949

Б И Б Л И О Т Е К А
„ОГОНЕК“

И. С. ТУРГЕНЕВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т О М

10

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Москва. 1949

ПОЭМЫ

ПАРАША

Рассказ в стихах

«И ненавидим мы, и любим мы случайно».
Лермонтов.

I

Читатель, бю смиренно вам челом,
Смотрите: перед вами луг просторный,
За лугом речка, а за речкой дом,
Старинный дом, нахмуренный и черный,
Раскрашенный приходским маляром...
Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертой рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.
За домом сад: в саду стоят рядами
Всё яблони, покрытые плодами...
Известно: наши добрые отцы
Любили яблоки да огурцы.

II

Не разберешь — где сад, где огород?
В саду ж был грот (невинная затея!);
И с каждым утром в этот темный грот
(Я приступаю к делу не робея)
Она — предмет и вздохов и забот,
Предмет стихов моих довольно смелых,
Она являлась — в платице простом,
И с книжкою в немножко загорелых,
Но милых ручках... на скамью потом
Она садилась... помните Татьяну?
Но с ней ее я сравнивать не стану;
Боюсь — рукой читателя махнут
И этой сказки вовсе не прочтут.

III

Но кто она? и кто ее отец?
Ее отец — помещик беззаботный;
Сперва служил — и долго, наконец
В отставку вышел — и супругой плотной
Обзавелся; теперь большой делец!
Живет в ладу с своими мужичками...
Он очень добр и очень плутоват,
Торгуется и пьет чаек с купцами.
Как водится — его супруга — клад;
О! сущий клад! и умница такая!
А женщина она была простая,
С лицом, весьма похожим на пирог;
Ее супруг любил как только мог.

IV

У них одна лишь дочь была... Мы с ней
Уж познакомились. Никто красоткой
Ее б не назвал — правда; но ей-ей, —
(Ее два брата умерли чахоткой)
Я девушки не видывал стройней.
Она была легка — ходила плавно;
Ее нога — прекрасная нога,
Всегда была обута так исправно;
Немножко велика была рука;
Но пальцы были тонки и прозрачны...
И даже я, чудака довольно мрачный,
На эту руку глядя, иногда
Хотел... Я заболтался, господа.

V

Ее лицо мне нравилось... оно
Задумчивую грустию дышало;
Всегда казалось мне: ей суждено
Страданий в жизни испытать немало...
И что ж? мне было больно и смешно;
Ведь в наши дни спасительно страданье...
Она была так детски весела —
Хотя и знала, что на испытанье
Она идет, но шла, спокойно шла...
Однажды я, с невольною печалью,
Ее сравнил и с бархатом и с сталью...
Но кто в ее глаза взглянул хоть раз —
Тот не забыл ее волшебных глаз.

VI

Взгляд этих глаз был мягок и могуч,
Но не блестел он блеском торопливым;
То был он ясен, как весенний луч,
То холодом проникнут горделивым,
То чуть мерцал, как месяц из-за туч.
Но взгляд ее задумчиво-спокойный
Я больше всех любил: я видел в нем
Возможность страсти горестной и знойной,
Залог души, любимой божеством.
Но, признаюсь, я говорил довольно
Об этом взгляде: мне подумать больно,
Что — может быть — читающий народ
Все это неестественным найдет.

VII

Она в деревне выросла... а вы,
Читатель мой, — слыхали вы, наверно,
Что барышни уездные, — увы!
Бывают иногда смешны безмерно.
Несправедливость ветреной молвы
Известна мне; но сознаюсь с смиреньем,
Что над моей степнячкой иногда
Вы б посмеялись: над ее волненьем
В воскресный день — за завтраком, когда
Съезжались гости, — над ее молчаньем,
И вздохами, и робким трепетаньем...
Но и она подчас бывала зла,
И жалиться умела, как пчела.

VIII

Я не люблю восторженных девиц...
По деревням встречаешь их нередко;
Я не люблю их толстых, бледных лиц,
Иная же — помилуй бог — поэтка.
Всем восхищаются: и пеньем птиц,
Восходом солнца — небом и луною...
Охотницы до сладеньких стишков,
И любят петь и плакать... а весною
Украдкой ходят слушать соловьев.
Отчаянно все влюблены в природу...
Но барышня моя другого роду;
Она была насмешлива, горда,
А гордость — добродетель, господа.

IX

Она читала жадно... и равно
Марлинского и Пушкина любила.
(Я сознаюсь в ее проступках)... но
Не восклицала: «Ах, как это мило!»
А любовалась молча. — Вам смешно?
Не верите вы в Русскую Словесность —
И я не верю тоже, хоть у нас
Весьма легко приобрести известность...
Российские стихи — российский квас
Одну и ту же участь разделяют:
В порядочных домах их не читают,
А квас не пьют... но благодарен я
Таким чтецам, как барышня моя.

X

Для них пишу... но полно. Каждый день —
Я вам сказал — она в саду скиталась;
Она любила гордый шум и тень
Старинных лип — и тихо погружалась
В отрадную, забывчивую лень.
Так весело качались березы,
Облитые сверкающим лучом...
И по щекам ее катились слезы
Так медленно — бог ведает о чем.
Тò, подойдя к убогому забору,
Она стояла по часам... и взору
Тогда давала волю... но глядит,
Бывало, все на бледный ряд раkit.

XI

Там — через ровный луг — от их села
Верстах в пяти — дорога шла большая;
И, как змея, свивалась и ползла
И, дальний лес украдкой огибая,
Ее всю душу за собой влекла.
Озарена каким-то блеском дивным,
Земля чужая вдруг являлась ей...
И кто-то милый голосом призывным
Так чудно пел и говорил о ней —
Таинственной исполненные муки
Над ней, звеня, носились эти звуки...
И вот — искал ее молящий взор
Других небес — высоких, пышных гор...

XII

И тополей и трепетных олив...
Искал земли пленительной и дальней;
Вдруг русской песни грустный перелив
Напомнит ей о родине печальной;
Она стоит, головку наклонив,
И над собой дивится — и с улыбкой
Себя бранит; и медленно домой
Пойдет, вздохнув... то сломит прутик гибкий;
То бросит вдруг... рассеянной рукой
Достанет книжку — развернет, закроет;
Любимый шепчет стих... а сердце поет,
Лицо бледнеет... в этот чудный час
Я, признаюсь, хотел бы встретить вас.

XIII

О барышня моя... в тени густой
Широких лип стоите вы безмолвно;
Вздыхаете; над вашей головой
Склонилась ветвь... а ваше сердце полно
Мучительной и грустной тишиной.
На вас гляжу я: прелестью степною
Вы дышите — вы нашей Руси дочь...
Вы хороши, как вечер пред грозою,
Как майская томительная ночь. —
Но — может быть — увы! воспоминаньем
Вновь увлечен, подробным описанием
Я надоел — и потому готов
Рассказ мой продолжать без лишних слов.

XIV

Моей красотке было двадцать лет.
(Иной мне скажет: устрицам в апреле,
Девицам лет в пятнадцать — самый цвет...
Но я не спорю с ним об этом деле —
О разных вкусах спорить — толку нет.)
Ее Прасковьей звали; имя это
Не хорошо... но я — я назову
Ее Парашей... Осень, зиму, лето
Они в деревне жили — и в Москву
Не ездили, затем что плохи годы,
Что с каждым годом падают доходы.
Да сверх того Параша — грех какой! —
Изволила смеяться над Москвой.

XV

Москва, Москва, о, матушка Москва!
Но я хвалить тебя не смею, право:
Я потерял бывалые права...
Твои ж сыны превспыльчивого нрава,
И в них мои смиренные слова
Возбудят ревность — даже опасенья.
И потому к Параше молодой,
О матушка, — прошу я снисхожденья...
А если, — о читатель дорогой,
Навеванный приятностью рассказа,
Отрадный сон закрыл вам оба глаза, —
Проснитесь — и представьте себе день...
Прежаркий день... (Я посажу вас в тень.)

XVI

Прежаркий день... но вовсе не такой,
Каких видал я на далеком юге...
Томительно-глубокой синевой
Все небо пышет; как больной в недуге,
Земля горит и сохнет; под скалой
Сверкает море блеском нестерпимым —
И движется, и дышит, и молчит...
И все цвета под тем неумолимым
Могучим солнцем рдеют... дивный вид!
А вот, зарывшись весь в песок блестящий,
Рыбак лежит... и каждый проходящий
Любуется им с завистью — я сам
Им тоже любовался по часам.

XVII

У нас не то — хоть и у нас не рад
Бываешь жару... точно — жар глубокий...
Гроза вдали собирается... трещат
Кузнечики неистово в высокой
Сухой траве; в тени снопов лежат
Жнецы; носы разинули вороны;
Грибами пахнет в роще; там и сям
Собаки лают; за водой студеной
Идет мужик с кувшином по кустам.
Тогда люблю ходить я в лес дубовый,
Сидеть в тени спокойной и суровой
Иль иногда под скромным шалашом
Беседовать с разумным мужичком.

XVIII

В такой-то день — Параша в темный грот
(О нем смотрите выше) шаг за шагом
Пришла; пред ней знакомый огород,
Знакомый пруд; а дальше за оврагом
Знакомый лес на холмике... но вот
Что показалось ей немного странным:
В овраге под кустом сидел один
Охотник; резал хлеб ножом карманным;
Он по всему заметно — господин;
Помещик; он в перчатках — и красиво
Одет... Вот он поел, потом лениво
Собаку кликнул, шапку снял, зевнул,
Раздвинул куст, улегся — и заснул.

XIX

Заснул... Параша смотрит на него,
И смотрит, признаюсь, с большим вниманьем;
К ним ездили соседи... но его
Лицо ей незнакомо; описанием
Теперь мы не займемся, оттого
Что уж и так с излишеством речист я...
Он спит, а ветер тихо шевелит
Его густые волосы, и листья
Над ним шушукают; — он сладко спит...
Параша смотрит... он не дурен, право —
О чем же вдруг так мило, так лукаво
Она смеется? Я б ответил, но
Мне женский смех постигнуть не дано.

XX

И час прошел... и предвечерний зной
Внезапно начал стынуть... уж и тени
Длиннее стали... вот — охотник мой
Проснулся, стал лениво на колени,
Надел небрежно шапку, головой
Тряхнул — хотел подняться... и остался...
Он увидал Парашу — о друзья!
Глядел, глядел — с смущеньем засмеялся,
Вскочил, взглянул поспешно на себя,
Потом через овраг легко и смело
Перебежал... Параша побледнела,
Но до забора он дошёл, и стал,
И с вежливой улыбкой шапку снял.

XXI

Она стояла, вспыхнув вся... и глаз
Не подымая... сильно и неровно
В ней билось сердце. — «Умоляю вас, —
Так начал он — и очень хладнокровно, —
Скажите мне, теперь — который час?»
Сперва она немножко помолчала
И отвечала: «пятый»; а потом
Взглянула на него; но он, нимало
Не изменяясь, спросил: «Чей это дом?»
Потом весьма любезно извинился
Бог знает в чем и снова поклонился.
Но не ушел... сказал, что он сосед;
И что с ее отцом покойный дед

XXII

Его был очень дружен... что он рад
Такой неожиданной встрече; понемногу
И двадцать раз сказавши «виноват!»
(У нас заборы плохи, слава богу),
Через забор он перебрался в сад.
Его лицо так мило улыбалось,
И карий глаз так ласково сиял,
Что ей смешным и странным показалось
Дичиться... Он ей что-то рассказал,
Над чем она сперва довольно звонко,
Потом потише засмеялась... с тонкой
Усмешкой посмотрел он ей в глаза —
Потом ушел, пробормотав: «Сопп'са!»¹.

XXIII

И вслед она ему смотрела... Он
Через плечо внезапно оглянулся,
Пожал плечьми — и словно приучен
К победам, — равнодушно улыбнулся.
И ей досадно стало... Громкий звон
Раздался в доме... Чай готов... Небрежно
Она, вернувшись, рассказала все
Отцу... Он засмеялся безмятежно,
Заговорил про старое жите,е,
Про деда... Но уездный заседатель,
Вдовец, Парашин древний обожатель,
Разгневался и покраснел, как рак,
И объявил, что их сосед — чуда

¹ [«Вот как!»]

XXIV

А я б его не назвал чудачком...
Но мы об нем поговорить успеем;
Параша села молча под окном
И, подпершись рукой — мы лгать не смеем, —
Все думала да думала о нем.
Алеет небо... над травой усталой
Поднялся пар... недвижны стали вдруг
Верхушки лип, свежее воздух вялый,
Темнеет лес, и оживает луг.
Вечерний ветер веет так прохладно,
И ласточки летают так отраднo...
На церкви крест зарделся, а река
Так пышно отражает облака...

XXV

Люблю сидеть я под окном моим
(А в комнате шумят, смеются дети),
Когда над лесом темногoлубым
Так ярко пышет небосклон... о, в эти
Часы я тих и добр — люблю, любим...
Но кто поймет, кто скажет, чем так чудно
Томилось сердце барышни моей...
Состаревшись — и тяжело и трудно
Припоминать блаженство прежних дней —
Тех дней, когда без всякого усилия
Любовь, как птица, расширяет крылья...
И на душе так страстно, так светло...
Но это все прошло, давно прошло.

XXVI

Да, вы прошли, и не вернетесь вновь
Часы молитв таинственных и страстных,
Беспечная, свободная любовь,
Порывы дум, младенчески прекрасных...
Все, все прошло... горит упорно кровь
Глухим огнем... а, помнится, бывало
Верхом я еду вечером; гляжу
На облака, а ветер, как опахало,
В лицо мне тихо веет — я дышу
Так медленно — и благодати полный
Я еду, еду, бледный и безмолвный...
Но, впрочем, кто ребенком не бывал
И не забыл всего, что обожал?

XXVII

Он обещал придти — твердит она...
И хочет и не может оторваться;
Но неужель Параша влюблена?
Не думаю, но не могу ручаться...
А вот и ночь: и вкралась тишина,
Как поцелуй томительно протяжный,
Во все земное... Спать пора, сосед!
Сказал отец, а мать с улыбкой важной
Его зовет на завтрашний обед.
Параша в сад таинственный и темный
Пошла — и понемногу грусти томной
Вся предалась... Но он-то, что же он?
Я вам скажу — он вовсе не влюблен.

XXVIII

Хотите ль знать, что он за человек?
Извольте: он богат, служил в военной;
Чужим умом питался весь свой век —
Но ловок был и вкрадчив. Изнуренный,
Скучающий, направил он свой бег
В чужие страны; с грустною улыбкой
Везде бродил, надменный и немой;
Но ум его насмешливый и гибкий
Из-за границы вынес целый рой
Бесплодных слов и множество сомнений,
Плоды лукавых, робких наблюдений...
Он надо всем смеялся; но устал —
И над собой смеяться перестал.

XXIX

Мы за границу ездим — о друзья!
Как казаки в поход... Нам все не в диво;
Спешим, чужих презрительно браня,
Их сведений набраться торопливо...
И вот твердим, без страсти, без огня,
Что и до нас дошло, но что, быть может,
Среди борений грозных рождено,
Что там людей мучительно встревожит,
Что там погубит сердце не одно...
Не перейдя через огонь страданья,
Мы не узнаем радостей познания —
И наконец с бессмысленной тоской
Пойдем и мы дорогой столбовой.

XXX

Но к делу. Он, как я вам доложил,
В отставке был. Пока он был на службе,
Он выезжал, гулял, плясал, шалил,
Приятелей обыгрывал — по дружбе —
И был — как говорится — очень мил.
Он был любезен, влюбчив, но спокоен
И горделив... а потому любим;
И многих женщин был он недостоин,
Обманутых и позабытых им.
Он весел был, но весел безотрадно;
Над чудачком смеялся беспощадно,
Но в обществе не славился умом
И не был «замечательным лицом».

XXXI

А между тем его любили... Он
Пленял людей беспечностью свободной,
И был хорош собой, и одарен
Душой самолюбивой и холодной.
Он, я сказал, не очень был умен,
Но всем ему дарованным от бога
Владел вполне... и презирал людей...
А потому имел довольно много
«Испытанных и преданных» друзей.
Он с ними вместе над толпой смеялся
(И от толпы с презреньем отчуждался),
И думали все эти господа,
Что кроме их — все вздор и суета.

XXXII

Он все бранил от скуки — так!...
Не предаваясь злобе слишком детской.
Скажу вам, в бесы метил мой остряк;
Но русский бес не то, что чорт немецкий.
Немецкий чорт, задумчивый чудак,
Смешон и страшен; наш же бес природный,
Российский бес — и толст и простодаст,
Наружности отменно благородной
И уж куда какой аристократ!
Не удивляйтесь: мой приятель тоже
Был очень дружен не с одним вельможей
И падал в прах с смеющимся лицом
Пред золотым тельцом — или быком.

XXXIII

Вам гадко... но, читатель добрый мой, —
Увы! и я — люблю большого света
Спокойный блеск, и с радостью смешной
Любуюсь гордым холодом привета —
Всей этой жизнью звонкой и пустой.
На этот мир гляжу я без желанья,
Но первый сам я хохотать готов
Над жаром ложного негодованья
Непризнанных, бесхвостых «львиц и львов»!
Да сверх того вся пишущая братья
На «свет и роскошь» сыпала проклятья...
А потому смотри творенья их;
А я сегодня — что-то очень тих.

XXXIV

Люблю я пышных комнат стройный ряд,
И блеск и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этот взгляд,
Рассеянный, насмешливый и длинный;
Люблю простой, обдуманный наряд...
Я этих губ люблю надменный очерк,
Задумчиво приподнятую бровь;
Душистые записки, быстрый почерк,
Душистую и быструю любовь.
Люблю я эту поступь, эти плечи,
Небрежные, заманчивые речи...
Узнали ль вы, друзья, скажите мне,
С кого портрет писал я в тишине?

XXXV

«Но, — скажут мне: — вне света никогда
Вы не встречали женщины прекрасной?»
Таких особ встречал я иногда
И даже в двух влюбился очень страстно;
Как полевой цветок, они всегда
Так милы, но, как он, свой легкий запах
Они теряют вдруг... и боже мой —
Как не завянуть им в неловких лапах
Чиновника, довольного собой?
Но сознаюсь, и сознаюсь с смущеньем,
Я заболтался вновь — и с наслажденьем
К моей Параше я спешу-спешу
И вот ее в гостиной нахожу.